

ТАБУ

Мастерские находились на краю школьной площади, а она — через дорогу от растянувшегося почти на сотню метров деревянного здания школы. Уроки труда, на которых мальчишки получали азы столярного дела, всегда сдвоенные. Хоть по дороге машины не сновали туда-сюда, взрослые опасались, что кто-то, перебегая дорогу, влетит под автомобиль. Но на переменах между уроками труда мальчишки из мастерских в школу не бегали. Нет таких запретов, которые могли бы удерживать непосед в стенах, помешать общению с друзьями из других классов. Дело вовсе не в запретах.

Переменки были желанны мальчуганам потому, что в эти минуты все тесной толпой ловили каждое слово своего учителя Любомира Прокопьевича. Даже большаки¹ вместо того, чтобы покурить, на переменах прибегали в мастерские, слушали Любомировы истории. И, став взрослыми, все его слушатели не перестают удивляться, как он умудрялся ни разу не повториться в своих рассказах. Каждый раз у него был новый сюжет. Не менее поразителен сам рассказчик. Всё-то у него получалось складно да ладно и так правдиво да жизненно, что нет сомнений в истинности его историй. Не чьи-то фантазии, а сама жизнь, без ретуши и прикрас, являлась воображению юных слушателей.

Дети знали, что их учителю довелось побывать на войне. И не просто присутствовать там, а воевать. Есть у него и ранения, и боевые награды. Известно и то, что не любит он

¹ Большаки — старшекласники (*gual.*).

вспоминать тот период службы в армии, а рассказать хоть что-нибудь, хоть чуточку, хоть самую малость всегда отказывается. Мальчишки прознали и о том, что на праздничный митинг в День Победы Любомир Прокопьевич приходит в дембельской форме с боевыми наградами только по настоянию военкома.

О ранениях и медалях не рассказывал ни детям, ни взрослым, но все отмечали, что к наградам всегда относился очень уважительно, ему ценны обе. Это потом, гораздо позже, к двум боевым наградам добавились третья и юбилейные медали. О происхождении медалей жителям села стало известно от однополчанина Любомира в Афганистане. Учитель же будто поклялся кому-то или себе самому не рассказывать подробностей военного периода своей жизни. И это табу им не нарушалось.

НЕГОДОВАНИЕ

Этот короткий рассказ Любомир Прокопьевич поведал мальчуганам также на переменке.

— На пересыльном пункте в военных билетах нам сделали отметки с датой начала службы. Вечером на автобусах довели до железнодорожного вокзала, а там разместили по вагонам. Так, уже в поезде, началось наше официальное служение Отечеству. Со всех новобранцев сразу собрали деньги на возмещение предполагаемых затрат железной дороги: разбитые оконные и дверные стёкла, зеркала, сломанные унитазы, исчезнувшие стаканы. Насчитали немало, но обещали вернуть деньги при высадке, если всё окажется в целости.

Беззаботная толпа соскакивала с подножек, не дожидаясь полной остановки поезда. Очень спешили пополнить запасы жидкости, расслабляющей тело и разум. Чтобы не отстать от поезда, приходилось бежать, и, как всегда, неблизко. Оказывается, узнав о приближении эшелона с новобранцами, продавцы магазинов и ларьков навешивали на свои заведения внушительного вида замки и разбегались.

Сопровождающие нас офицеры и сержанты срочной службы, чтобы избежать пьяных разборок необычных пассажиров, дежурили у входов в вагоны. Спиртное вносить в вагоны запрещалось. Но пока одни отвлекали блюстителей армейской дисциплины, другие пролазили с запретным грузом под вагонами и передавали трофеи магазинных набегов через раскрытые окна.

Были и курьёзы. На одной из станций, сбегав «за тридевять земель», запыхавшиеся новобранцы подбежали к тамбуру своего вагона в тот момент, когда поезд уже набирал ход. Кто-то в вагоне сорвал стоп-кран, остановив эшелон. С площадки к портфелю потянулась рука. Доверчивая молодёжь, не имеющая горького опыта, подала то, что для парней в те дни было равноценно сокровищу. Из остановившегося поезда на шпалы вышли сопровождающие. Выходы из остальных вагонов проводники успели закрыть до торможения. Во всех окнах виднелись по несколько пар любопытных глаз, ожидающих развязки экстренной остановки.

Бутылки из портфеля доставались офицером одна за другой и... с грохотом разбивались о рельсы. После разбивания второй нераспечатанной поллитровки раздалась протяжная, будто стон, неодобрительная фраза негодования: «У-у-у, га-а-ады!» С каждой следующей разбитой бутылкой многоголосие негодования росло и крепло. Чтобы ещё больше не разозлить толпу, а она могла бы наброситься на погромщиков, оставшийся груз сопровождающие внесли в вагон для собственного потребления. Это было воспринято парнями более достойным поступком, чем уже совершённый акт вандализма. Некоторые тогда впервые познали, что в армии «тот прав, у кого больше прав». Нет, не какие-нибудь алкоголики, а обыкновенные ребята ехали в том поезде. Пили про запас. Впереди всех ожидал «сезон спиртной засухи» продолжительностью в два года.

А что касается денег, то нам их не вернули. И это притом, что унитазы, зеркала, стёкла и даже стаканы благополучно доехали до места нашей высадки.

«ПЕРЕРОСТОК»

Был среди прочих Любомировых рассказов и этот — о «переростке».

— В поезде мы ехали в гражданской одежде. В Спасске-Дальнем после помывки в армейской бане новобранцы друг за другом проходили вдоль длинного стола-стеллажа. Там несколько прапорщиков, лишь бросив на парня взгляд, подавали форменную одежду. Спрашивали только размер обуви. Всё остальное всем пришлось впору без лишних вопросов. А вот Саше Громову, гиганту из Сорска, сапог по размеру не нашлось. При росте два метра и три сантиметра обувь у него

сорок девятого размера. Переглянулись мастера по переобуванию новобранцев, засуетились. Один из прапорщиков даже отошёл и позвонил куда-то. Оказалось, что и на складах самые большие сапоги — только сорок шестого размера.

В строю Громов выглядел экзотично: всё форменное, а на ногах тапочки, в которых он ехал в поезде. Сопровождающий тут же сообщил о «переростке» в воинскую часть, куда попал наш Саша. В учебной роте за два дня до принятия присяги появился ещё не знакомый нам ротный старшина в звании прапорщика. Он прервал занятия по изучению уставов и объявил общее построение.

— Рядовой Громов, выйти из строя, — скомандовал приезжий.

— Есть выйти из строя, — отозвался солдат в тапочках.

— Вручаю тебе сапоги сорок девятого размера. Будешь носить их год, как все. Раньше не получишь. Такая обувь шьётся на заказ. Чтобы не оставить подошвы на плацу, строевой подготовкой не занимайся. Отцы-командиры, все слышали мой приказ? — обратился хозяйственник к командирам взводов и отделений.

— Так точно, товарищ «капитан», — полушутя, взяв под козырёк, ответил командир взвода, тоже прапорщик.

На следующее утро после команды «Подъём» в роте возникла неразбериха. Громов, спрыгнув с верхнего яруса двухъярусной кровати, не нашёл свои сапоги. Он суетливо метнулся между кроватями, распластался под ними на полу, всматриваясь, нет ли его сокровищ где-то дальше, между мелькающими ногами сослуживцев. Перескакивая через пыхтящую от напряжения громаду, все спешили встать в строй раньше, чем потухнет спичка в руке взводного, отдавшего приказ на построение.

Когда все обулись, свободной оказалась обувь ровно на десять размеров меньше той, которая невероятным образом исчезла в первую же ночь. «Переросток» втиснул свои стопы в голенища и, как в лапах, побежал в строй. Маленькому Мише Сазанакону достались сапоги Громова. В них он бежал перед великаном, как на лыжах. Солдаты учебной роты, успевшие встать в строй, увидев это комическое представление, разразились хохотом. По команде, уже в строю, парни обменялись обувью.

Шутника, ночью переставившего обувь, найти не удалось. За шалость того юмориста учебная рота вместо отдыха в наказание совершила пятикилометровый марш-бросок в противогазах. Ах, как не смешно бежать в противогазе сквозь зной палящего солнца!